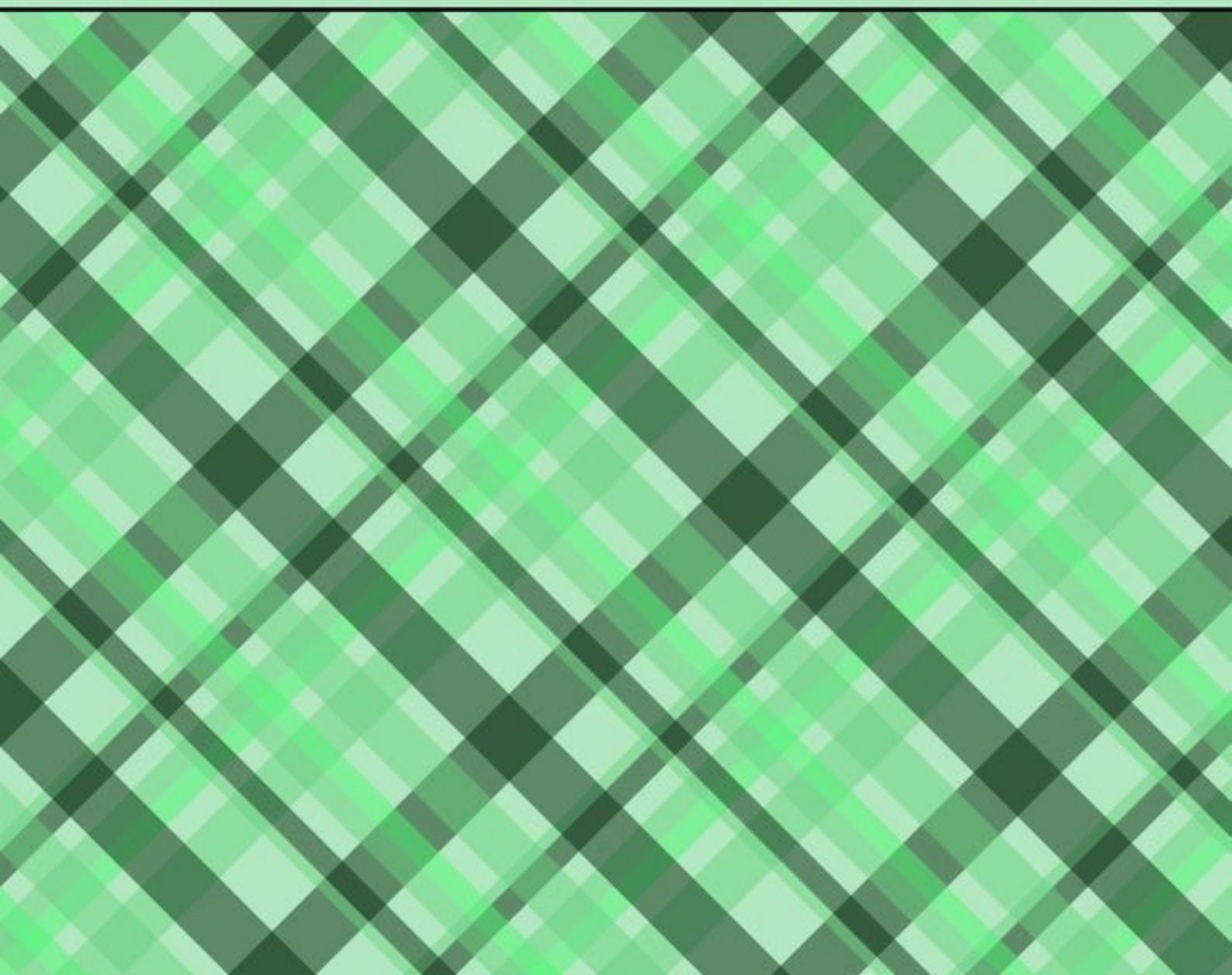

18+ Ирина Критская

*Помидорный
романс*

Ирина Критская

Помидорный романс

«Издательские решения»

Критская И.

Помидорный романс / И. Критская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-534872-2

История о том, что любовь тебя ждёт за поворотом всегда, несмотря на то, что ты давно потеряла веру в себя, надежду на счастье, и на то, что твоя жизнь больше не нужна даже тебе. Несмотря на немалый возраст, на неважное здоровье, на то, что твоими интересами теперь являются врачи, внуки и... Помидорная рассада. Она, любовь, все равно подкараулит тебя и не даст ни сбежать, ни спрятаться...

ISBN 978-5-00-534872-2

© Критская И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Аделаида Николаевна	6
Глава 2. Адель	9
Глава 3. Встреча	12
Глава 4. Село	14
Глава 5. Вареники	16
Глава 6. Гости	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Помидорный романс

Ирина Критская

© Ирина Критская, 2021

ISBN 978-5-0053-4872-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Аделаида Николаевна

– Бабусь!!! Я те сто тыщ раз уже говорила! Чтобы войти в сеть, надо запомнить пароль. Где у тебя пароль?

– Детка, не кричи. Это то, что ты мне прошлый раз, на бумажке бросила у компьютера? Так я его в записную книжку переписала, вот здесь.

Аделаида Николаевна дрожащими руками никак не могла удержать маленькую скользкую книжечку в лаковом переплете со смешным котенком. Руки уже были не те, пальцы скрючило от ревматизма, мучившего ее в последние годы, а книжечка, как живая, выскальзывала. Ей эту записнушку подарила внучка Лялька, выбрала по своему вкусу, и теперь бабушке приходилось надевать очки, чтобы в ней что-то разглядеть, на крошечных страничках. А уж записать... Это вообще было мучение, поэтому она втихаря переписывала все из микроскопической гадости в свою привычную коленкоровую тетрадь, распухшую от древности. Тетрадь шлепала, как жаба, прыгнувшая в лужу, если ее резко бросить на стол, но Аделаида Николаевна ее любила и все ей прощала. В этой тетради была записана ее жизнь. Еще та, самая первая, наполовину выцветшая строчка... Начинающаяся с имени «Славочка»...

В этой тетради тоже был записан пароль от противных «Одноклассников», не желающих никак сегодня открываться. А именно на примере «Одноклассников» Лялька учила бабушку компьютерной грамотности. И теперь, признаться, что она забыла и пароль, и имя свое (тоже название какое-то есть), да и книжкой не пользуется, не было никакой возможности.

– Нуууууу. Давай, читай!

Лялька стояла над душой и тыркала тоненьким наманикюренным пальчиком в мелкую строчечку. Аделаида Николаевна, конечно, ничего не могла разобрать, беззащитно снимала и надевала очки и потела. Она помнила, что этот пароль состоит из латинских букв и цифр. Но рассмотреть его не получалось.

– Ладно, так и быть! Давай уж, доставай позорную тетрадку свою. Меня все стыдила раньше. А сама?

Лялька явно мстила бабушке за длинные и ненавистные уроки музыки и английского, которыми ее мучили в детстве. И за то, то именно бабушка была инициатором этих мучений.

Аделаида Николаевна с облегчением встала, еле расправив затекшую спину, зябко закуталась в пуховую, ажурную шаль, доставшуюся ей еще от прабабки, и поплелась в спальню. Там, на тумбе под зеркалом у нее стоял старинный сундучок. Он был небольшой, очень редкий и ценный, закрывался на резной тоненький ключик и, при открывании тихонько наигрывал песенку про «Ах, мой милый Августин». В сундучке она хранила все свои богатства – украшения, Письма и открытки от мужа, деньги, румяна и помаду, духи и тетрадь. Ту самую.

– Ну, давай! Быстрее. Меня уже ждут давно в академии. У нас там сегодня кое-что намечается, а ты копаешься.

Лялька брезгливо, за самый корешок, схватила бабушкину тетрадку, мгновенно пролистала ее до нужного места.

– Давай, садись. Набирай! Логин – Адель. Пароль kikirigi32. Все же сделала, чтобы ты запомнила. А ты двоечница.

Аделаида Николаевна неуверенно затыкала по клавиатуре, набирая буквы.

– Да не русскими набирай. Английскими. Adel. Какая ты бестолковая, бабуль. Еще в интернет лезет, лучше бы шарф мне связала, вон, холодно уже.

Наконец они вдвоем, с грехом пополам, набрали логин (вот, как называется имя, вспомнила) и пароль. На экране замигала Аделаидина фотография. Она делала ее года три назад, в санатории, куда ее дети отправили на целый месяц лечить ревматизм. С фотографии смотрела седая дама с подкрашенными тоненькими бровями и оранжевым ртом. У нее были круглые голубые глаза и надутые от напряжения розовые щёки.

– Ну... Дальше что.

– Надо посмотреть на ленту.

– Нууууу. Смотри.

В ленте Аделаиду совсем ничего не интересовало, но она добросовестно покрутила колесико мышки именно тем пальцем, которым ее учила Лялька. Получилось неплохо. На экране замелькали какие-то картинки, цветочки, коттики.

– Так. Давай дальше. Что еще?

Аделаида помнила, что там, наверху экрана можно посмотреть кто заходил, кто написал, кто захотел стать другом. Но, напрочь забыла что и где. А! Точно – ножки, это кто заходил, конвертик – это кто написал. Над конвертиком маячила красная единичка.

– Ты смотри, баб. У тебя сообщение. Давай, открывай.

И, не дождавшись пока бабушка сообразит что и как, Лялька ловко клацнула мышкой, экран мелькнул и высветил седого Деда Мороза со смеющимися темными глазками – пуговками, носом-картошкой и аккуратненькой бородкой.

– Ну надо ведь. Неделю в интернете, а ей уже мужики пишут. Ну ты, бабусь, даешь...

Лялька, хихикая, прочитала сообщение. Дед Мороз по имени Вячеслав Робертович, сообщал бабушке о хорошей погоде в его городке Романовке, новом прочитанном детективе и взошедших уже помидорах нашумевшего сорта «Банановые ноги». К письму прилагалась красная розочка и улыбчивый смайлик.

Аделаида Николаевна вдруг жутко смутилась, не зная, почему, жарко покраснела и, сама от себя не ожидая, резво щелкнула мышкой, закрыв письмо.

– Ляля, ты говорила, что тебя ждут в институте? Не опоздай, детка. И сапожки возьми те, новенькие, я их помыла тебе. И вот...

Аделаида сунула внучке пятьсот рублей. Она часто так делала – сэкономит пару-тройку дней, ничего себе не покупая и вот она, денежка. А что? Колу себе купит, пирожок, шоколадку. Все – не пустой карман. Мать, то она много не даст, у нее муж молодой, новый. Вертихвостка.

Когда внучка вылетела за дверь, обдав бабушку сладким карамельным запахом, Аделаида Николаевна осторожно открыла сайт. И, медленно набирая буквы, подслеповато всматриваясь в экран, написала ответ: «Добрый день, уважаемый Вячеслав Робертович. У нас в этом году погода совсем неудачная, все дожди. Помидоры я не сажаю, а вот сорта огурчиков вам могу рекомендовать. Купите новый гибрид Герман. Не пожалеете»

Тыкнула на отправку, почувствовав, как в сердце, что-то тоненько тенькнуло. Накапала корвалолу, посидела задумавшись. А потом, с трудом разбирая Лялькины быстрые каракули в книжечке и, не понимая, зачем она это делает, зашла в свой профиль и поменяла пароль, изменив две цифры

Глава 2. Адель

Апрель пролетел для Аделаиды Николаевны галопом, она вообще не заметила, как летели недели. Ловко наврав внучке, что она больше не хочет пользоваться «Одноклассниками», а изучает новый сайт продвинутых мастериц вязальщиц, она отвадила Ляльку от привычки лезть к ее ноутбук ласково, но решительно.

– Это некрасиво, девочка. Ты же не читаешь чужих писем, не проверяешь чистоту чужого белья. Это так же интимно, как обыкновенная личная жизнь.

Лялька по привычке, лишь краем уха слушая бабушкины нотации, все таки норовила щелкнуть мышкой, но Аделаида решительно отняла пластиковую коробочку и сунула в свою шкатулку, резко повернув ключ и разом заткнув хриповатого Августина.

Лялька посмотрела на нее удивленно, но сопротивляться не стала.

– Ну-ну... Ты, бабусь в сетях не очень зависай. А то там разные козлы шастают. Еще подцепишь какого-нибудь. Они, как блохи, на новеньких кидаются. А потом квартиры пропадают.

Внучка говорила обиженно, но Аделаида ее не слушала. Она с нетерпением смотрела на старинные прабабкины ходики, которые вот-вот должны были начать бить – тяжело и глухо. С этим «бон, бон» она обычно включала компьютер и ждала, когда Вячеслав Робертович напишет ей первое сообщение и конвертик на верху экрана зазеленеет долгожданной единичкой.

Лялька ушла, Аделаида Николаевна засуетилась. К началу свидания со «СлавРобом» (такой Вячеслав Робертович выбрал себе ник, Аделаида уже знала, что так называется придуманное имя в сети) Адель (такой ник себе придумала она) принимала душ, тщательно расчесывала густые седоватые волосы, стараясь сделать их попышнее и красила губы. Потом меняла очки на парадные – красно-черные со стразиками, которые ей привезла дочь из Парижа, и, с содроганием сердца, ждала зеленую единичку.

В их личной переписке чего только не было. СлавРоб пересказывал ей прочитанную главу, пересылал фотографии удачных кустиков рассады. Адель тоже с удовольствием делилась своей жизнью – рассказывала про молодость, про школу, институт и первую любовь. Посылала фото взошедших огурчиков, долго рассматривала красивый дом Вячеслава и старенький черный джип, стоящий у тщательно подметенной дорожки, ведущей к небольшим, но качественно сделанным воротам. Время пролетало незаметно и только ходики, вдруг подло пробимкавшие за ее спиной свой «Биммммм», подсказывали, что уже час ночи и пора и честь знать...

Аделаида очень изменилась. Теперь по городу ходила не престарелая, нудноватая пенсионерка, с протертой кожаной сумочкой времен Первой Гражданской, а носилась быстрая, порывистая Адель. Она отрезала волосы, покрасила их в цвет жухлого подсолнуха, завила мелким бесом и сменила помаду на модную, смутно-алую. Купила у соседки бежевую куртку, с большим капюшоном, которую та давно ей сватала, и достала с дальней обувной полки короткие сапожки, скинутые Лялькой. «Баб, мне не модно, тебе в самый раз. Смотри какая цепочка, прямо золотая. И каблук небольшой, только тебе и ходить», – бросила тогда внучка, вручив Аделаиде хрустящий пакет, – «Носи. Будешь красотка».

Тогда Аделаиде они показались совсем не к месту, слишком вычурными и молодежными. Теперь же Адель заправляла в них новые джинсики, купленные с пенсии на местном развале, или надевала с длинной клетчатой юбкой, сохранившейся чудом с времен ее молодости. Юбка тысячу лет пролежала в чемодане вместе с тоненькой водолазкой и большим кулоном на крученой веревке. Как она, Ада, смотрелась тогда, в этой юбке! Тоненькая, высокая, полногрудая и стройная. Потом юбку она Аделаида расшила, конечно, но сидела она на ней уже не так – противные складки-булки по бокам выпирали, свисая над широким поясом, а зад слишком обтягивали клетки, которые от натуги меняли форму и становились ромбами. Но, все это Адель не смущало. Главное она чувствовала внутри. А там, внутри тоненько и знобко звенело, то горячело, то выхолаживало, и жизнь уже не казалась законченной, жизнь только начиналась!

***

– Мам. Я с Владимиром уезжаю в Сочи. Лялька остается, у нее экзамены. Присмотришь?

Елена, дочь, сидела напротив за столом, нервно крутила чашку, уцепившись за тоненькую ручку, стараясь, чтобы лимон коснулся то одной тоненькой белой фарфоровой стенки, то другой. Она всегда была такой – раздраженной и отстраненной.

Личная жизнь дочери не удалась. Даже не просто не удалась – она рухнула, практически в один день, когда ее муж, красавец Юрка, балабон и бабий любимец, набросил куртку, подхватил чемодан и убыл в неизвестном направлении. Тогда, в тот давний, мутный и дождливый февраль он переломил ее смешливую, недалекую и добрую Ленуську пополам. Дочка сначала так и лежала, сломанная, как кукла, отвернувшись лицом к стене и не обращая внимания на крошечную трехлетнюю Ляльку. А потом, в одно страшное утро, схватила дочь в охапку и бросилась наперерез идущему с большой скоростью рейсовому автобусу. Благо, рядом оказался молодой и шустрый лейтенант, который буквально выдернул их на тротуар.

Но тогда Еленка умерла, умерла на целый год. Клиника для душевнобольных, санаторий, снова клиника и снова санаторий. Все это время Аделаида крутилась, как могла, тянула дочь и внучку, но вытянула. Правда, ее Ленки больше не было. На ее месте возникла полноватая, немного отекающая от вечных лекарств, красивая женщина с остановившимися глазами, полным, чувственным ртом и желчной улыбкой. Звали ее Елена. Именно так она представлялась своим многочисленным мужчинам, которые шли нескончаемой чередой и никогда не кончались.

И именно Елена тихо и молча возненавидела дочь и мать, каким-то образом перемешав их существование со своей бедой и своей тоской.

– Так вот, мама. Ты меня слышишь или нет? На две недели. Мы уезжаем на две недели.

Аделаида смотрела как шевелятся полные губы и думала – «Как же я поеду на майские к Славе? Мы ведь договорились. Неужели все придется отменить?»

И вдруг, сама не ожидая от себя, встала, хлопнула рукой по столу так, что Лена вздрогнула, и крикнула:

– Нет! Я уезжаю! Хватит! У меня тоже есть жизнь.

Обалдевшая дочь ничего не сказала, только молча смотрела, как мать, неловкими пальцами, расстегнув молнию нового, невесть откуда взявшегося модного кошелька, швыряет на стол какие-то билеты, паспорт и распечатанные фотографии импозантного старика.

– Аааа, ну да, наслышана. Ляля мне говорила, как вы тут нафталином провонявшие чувства развели. Ты подумай, мама. Тебе ведь не с ним жить, со мной. Про стакан воды и кусок хлеба не забывай. Завтра позвоню, сообщишь свое решение. Билеты еще можно сдать.

Элена быстро пошла к двери, на пороге обернулась и, презрительно глядя на мать, прошипела

– Джульетта престарелая!

У Аделаиды Николаевны как-то разом кончились силы, она тяжело опустилась на стул и замерла, глядя в одну точку.

Глава 3. Встреча

Старый чемодан, выдавший виды еще советского санаторного Крыма был несколько пыльный, но вполне приличен. Они с мужем считали его чем-то вроде талисмана и доставали с антресолей только в самые радостные и значимые для них дни. А самым большим счастьем было – поехать в крошечный поселочек Малореченское, заблудившийся среди гор и моря, поселиться в полузаброшенном доме, недалеко от дикой части берега, который им сдавали почти бесплатно и жить там, как дикари, сутками валяясь на берегу в тени старых лодок, ужинать ранним виноградом, сладкими мелкими персиками и сыром с лепешками, которые привозила им хозяйка откуда-то из села.

Аделаида оклеила клетчатый дерматин чемоданных внутренностей фотографиями. И они так намертво приварились к искусственному материалу, что отодрать их не было никакой возможности, чтобы не порвать. И до сих пор, оттуда на мир смотрела худенькая круглолицая девочка с белокурыми кучеряшками и высокий, худющий парень с щегольскими усиками, волнистым чубом, уложенным назад и добрым песьим взглядом, как у грустного лабрадора. Они обнимались у неработающего фонтана в городском, заросшем парке, и кипарисы уходили своими стрелами куда-то в непроглядную высь.

Наскоро протерев чемодан, Аделаида быстро начала кидать в его нутро кофточки и юбки, белье и всякий незатейливый скарб, который она особенно и не копила за эти годы. Так – дешёвенькое все, по скидкам, простенькое, лишь бы удобно. Ситцевую ночнушку она с сомнением приложила к себе, став у зеркала, потом, вдруг устыдившись своим мыслям, тоже бросила в чемодан. «Надо было купить бы чего, попримечнее», – подумала она с сожалением, хорошо, хоть на плащ новый скопила, красивый». Плащ и правда был отличный – нежно-голубой, именно этот цвет ей нравился в молодости, с серебристой подкладкой и большим, отложным воротником, который при желании можно было превратить в капюшон. В Москве июнь вечно был дождливым, плащ пригодился как нельзя кстати, да и туфли подошли – светлые, с небольшим каблучком и скромным бантиком. Лет им было, наверное, десять, но Аделаида их и не носила, куда...

С трудом застегнув чемодан, она бережно потрогала корзинку, в которую упаковала пяток хорошо разросшихся кустиков ее секретных огурцов, проверила деньги и билеты, щелкнула замком любимой сумочки на тоненьком ремешке и села в прихожей на стул. До поезда было еще часа три, Лялька, втихаря от матери, заказала ей такси и вот-вот должна была прискакать, проводить бабушку.

Наконец, Лялькин ключ зашебуршал в замке. Внучка влетела, взорвав в прихожей облако резких, незнакомых духов, хихикнула.

– Ну, ты, баб, даешь ваще. Куда ты этот балахон напялила? Там жарыща, под сорок. Ты сарафан положила, тот что я тебе принесла?

Лялька, действительно, притащила ей на днях сарафан, весь в алых искорках на белом фоне. Аделаида быстренько спрятала его в шкаф – не носить же такое неприличие.

– Нет, Лялечка. Я забыла про него...

– Забыла? Я на него полнаушников отдала, а она забыла. Ну – ка доставай! И вот еще!

Лялька быстро пихнула сверток с сарафаном в бабушкин чемодан и вытащила крошечную косметичку.

– Смотри! Тут тон – он подтягивает морщины, лифтинг, слышала? И крем такой – тоже, попробуй только, не мажь. Помада модная, свою можешь выкинуть и тушь тут удлиняющая. Все маленькое, но, тебе хватит. В поезде потренируешься.

Она сунула косметичку к сарафану, глянула на часы.

– Давай, давай, пора. Такси ждет. Впереед. И да, бабуль. Ты на мать внимания не обращай. Жизнь у тебя одна. Думай головой, так ты меня учила? А мать... Она только о себе думает.

***

Поезд разогнался так, что в плохо вымытых окнах только мелькали давно забытые картинки. Жаркое, степное марево, высокие, пирамидальные тополя, полустанки. На редких остановках румяные тетки в белых, завязанных назад косынках продавали семечки, квас и пирожки, Аделаида покупала пакетики, что-то ела, хрумкала семечками и чувствовала себя совершенно счастливой. И такой – ясной, яркой, молодой, даже. Она смело намазала на себя все, что нашла в Лялькиной косметичке, достала сарафан и повесила его на плечики, благо в купе она была одна. Жара, действительно стояла устрашающая, горячий степной ветер врывался в окно и отдавал ромашкой и полынью. Все это – голубой плащ, тесноватые туфли, дождливая Москва казались Аделаиде далекими и ненужными, легкие полотняные тапочки, которые она купила перед самым отъездом, сарафан и полупрозрачная косынка, и совершенно другая Адель – все это было настоящим и долгожданным...

Поезд затормозил у красивого здания вокзала. Перрон был почти пустым, блестел вымытым асфальтом и казался прохладным миражом в раскаленной пустыне. Адель кое-как стащила чемодан и корзинку, и растеряно смотрела вслед уходящему составу. Из самого конца перрона, чуть прихрамывая, быстро шел к ней седой, сутулый человек. Увидев одинокую фигурку, он поднял руку, так что полы его легкого пиджака подхватил степной ветерок и помачал приветственно. И у Адель вдруг стало на душе совершенно спокойно и светло.

А с холма, на котором стояло здание вокзала, стекала вниз широкая дорога, тонувшая в зелени вишневых садов, и далеко, в тумане жаркого воздуха блестели купола храма.

Глава 4. Село

Вячеслав Робертович, подбежав, сразу приобнял Аделаиду за плечи и даже чмокнул в щеку, введя ее в ступор, но лишь на мгновение. Уже через пять минут она весело вслушивалась в его быстрые, суматошные фразы, он умудрялся рассказывать одновременно и о поселке, и о себе и при этом совершенно не путался. И голос у него был такой - знакомый, близкий, вроде они только вчера положили трубки телефонов, а может, даже расстались на недолго и снова встретились.

А село (вернее, это оказался поселок городского типа) лежало под холмом, как будто жемчужина в раковине, утопало в зелени, блестело окнами и белеными стенами старых хаток, и казалось нарисованным какими-то особенными красками на голубом холсте...

...Старенький джип мерно и старательно гудел, успешно преодолевая холмы, по которым петляла дорога, высушенная до звона, и пыльная настолько, что клубы пыли поднимались выше крыши кабины и превращали окружающий пейзаж в туманное марево. Вячеслав Робертович вел уверенно, даже вальяжно, спокойно откинувшись на сиденье и глядя в ветровое стекло чуть вприщур. Адель (она теперь даже в мыслях не могла назвать себя старым чопорным именем) жадно вглядывалась в окно, впитывая в себя степь, придорожные, пыльные кусты, пирамидальные тополя и заросли полыни. Ей так нравилась эта жара, палящее солнце, теплый ветер, врывающийся в салон и ароматы – тонкие, сухие. Так пах, однажды подаренный мужем букет из сухоцветов, который он привез от родителей, живших на юге- остро и пряно, будоражаще. Ада тогда поставила его в высокую вазу на тумбу около кровати и по ночам, просыпаясь, тихонько вставала, терла между пальцами сухой прутик и мечтала, представляя себе лавандово-полынные поля, теряющиеся в лиловой дымке. Муж тоже просыпался, прикивал щекой к ее спине, щекотал дыханием, гладил по плечам. Как же она любила его тогда... Как же он мог...

Адель тряхнула головой, прогоняя воспоминания, выдернула из сумки косынку, повязала, спрятав волосы. Потом, украдкой, глянула на Вячеслава и неожиданно встретилась с ним взглядом. Он быстро, по птичьей отвернулся, но взгляд его был таким... На Аделаиду Николаевну давно так никто не смотрел. Вернее, ТАК на нее смотрел лишь один человек. Но это было, наверное, во сне.

Поселок грянул неожиданно, вернее, они ворвались в него на своем джипе, помчались по пустым улицам и в стеклах замелькали ворота и палисадники, залитые флоксами, мыльниками и космеями. Наконец, они притормозили у огромной хаты (именно хаты, такую, как Адель помнила – та, что была родом из самого раннего детства, когда ее возили отдыхать на Украину, поправить слабенькое здоровье и поесть витаминов) Хата была белая, с резными ставнями и огромным палисадником, засаженным вишнями. Вишни эти были совершенно потусторонние – ветки, буквально усыпанные огромными, темными ягодами, свисали до земли, и просто просились в рот.

Вячеслав Робертович открыл ворота, погремев тяжелой связкой ключей, и, легко вскочив в кабину, завел машину во двор.

Адель с трудом выбралась – с непривычки ломило спину и колени, осмотрелась.

«Что же я наделала», – мелькнула мысль, – «Это же вообще. Что дальше -то? Как это я?»

Но мысли эти моментально улетучились, потому что Вячеслав (Адель решила про себя теперь называть его только так) взял ее за локоток и повел в дом.

Темные сени ослепили Адель, после яркого солнца, она почти ничего не рассмотрела. Только заметила длинную, струганную лавку, деревянные бочонки, стоящие вдоль, деревянное корыто, висящее на стене, и почувствовала аромат сушеных трав. А вот комната, в которую они вошли – Адель потрясла. В ней все было так, как будто не было в мире никакого прогресса (дурацкого прогресса, как мелькнуло у нее в голове). Посередине стоял круглый стол, покрытый светлой скатертью, расшитой ромашками, на нем – стеклянная, высокая банки с теми же ромашками, только живыми. В углу – настоящий резной комод, на котором куда -то брели грустные слоники, за комодом старинный, тяжелый диван под ковровым покрывалом. С другой стороны – кровать с шарами, из-под легкого коневого одеяла торчали кружева (подзор, вспомнила Аделаида). Легкие занавески развевались от горячего ветерка, и впускали в комнату аромат флоксов.

А в самом переднем углу – настоящая икона, темная, суровая – Божья мать смотрела на них не улыбаясь, даже с осуждением. И горела лампада...

Спас от остоленения Адель снова Вячеслав. Он потащил ее дальше, на кухню. А вот на кухне – мир был совсем другим. Светлая, современная пластиковая кухонная мебель, хороший холодильник, газовая плита – все это было новым, очень качественным, но странно контрастировало с громадной печью, около которой стоял ухват.

Уже через час, разбирая чемодан в своей комнате – пронизанной солнцем, с легкой деревянной кроватью, письменным столом и маленьким телевизором на высокой тумбочке, Адель уже не вспоминала свой покинутый мир. Все сомнения улетучились, она планировала, как будет готовить завтра обед, как сварит компот из этих, совершенно ненормальных вишен, и еще сделает вареники. А потом они со Славой пойдут гулять вдоль реки... И что у Славы такой приятный голос. И такие добрые, знакомые глаза...

Отдохнув после ужина, Адель вышла во двор. Уже смеркалось, огромное солнце спряталось за вишни и утомленно дремало. Вдоль дорожки, ведущей на дальний двор, на узкой полосочке земли засветились какие-то лиловые, мелкие цветочки, которых точно днем не было и от них шел такой аромат, что кружилась голова.

Адель открыла калиточку, вышла в огород и вздрогнула от неожиданности. Чуть стороне, на небольшом клочке свежевскопанной земли, Слава, тяжело опустившись на колени, аккуратно сажал привезенные ею из Москвы кустики огурцов. А рядом красовалась огромная, металлическая лейка...

Глава 5. Вареники

– ООООй! Лышенько! Кто же это огурчики сажил, сейчас-то?

Аделаида вздрогнула, не ожидая такого резкого звука в этом утреннем, тишайшем, пропитанном ароматами воздухе. Она встала совсем рано, так как привыкла, около шести и решила, пока Вячеслав спит, сбегать на речку, посмотреть, послушать, насладится тишиной и красотой утра. Тем более, что бежать далеко было не нужно – речка была в конце огорода, стоило только миновать грядки с помидорами и огурцами, потом картофельное небольшое поле, вдоль которого валялись огромные, как поросята, тыквы, нырнуть в росистые кусты давно отцветшей сирени – пересечь узкую набережную – и вот она – речка. Это все ей рассказал вчера Слава и она запомнила, распланировав свой утренний побег. Сделать это надо было побыстрее, потому что на обратном пути она должна была успеть набрать вишни в палисаднике, а тесто она уже замесила – ловко, так как умела, правда путаясь с непривычки в шкафчиках и полочках, в поисках муки. А тут – пришлось затормозить, оглянуться на голос.

На соседнем участке, который отделялся от огорода Славы небольшим низким заборчиком, стояла женщина – полная, вернее, дородная (именно это слово), в простом белом платье, цветастом фартуке и совершенно черными, без малейшего проблеска или хотя бы рыжинки, волосами. Лет ей было совсем немного – не более сорока, но понять это можно было только по слегка опустившейся груди, плотно обтянутой тканью, и немного грустным глазам с мелкими морщинками в уголках. Белоснежная кожа с фарфоровым румянцем, полные алые губы – про таких говорят «кровь с молоком» – все дышало чистотой, здоровьем и радостью.

– Вы мне? Что-то сказали?

Аделаида вдруг опять почувствовала себя старой и усталой рядом с этой деревенской красоткой и что-то еще неприятное кольнуло в сердце. Господи, сила твоя! Неужели, ревность?

– Да вам же, кому ж. Тут и нету никого, токо мы. Говорю ж – дядь Славик вчора огурцы сажил – так разве ж сажают их теперича. Июль ж на носу. Вам, если огурца, так вы заходите, не стесняйтесь. Я их ведрами таскаю, замучалась уж банки крутить. Урожай ныне – ужас. Вы с Саратова? Сразу видно – городская. Вы дядьке кто – родня?

Аделаида растерялась, даже покраснела, как в юности, очень давно умела краснеть только Ада – вся, от макушки до кончиков пальцев – жарко, стыдно, почти обморочно. Она совершенно не знала, что сказать, стояла, крутила в пальцах травинку и чувствовала, как капельки пота выступили на лбу и норовят скатиться к носу.

– Да, я приехала вчера. Только из Москвы. Я родственница.

Зачем она соврала, сама не знала, но сказать, что она просто знакомая, не смогла. Ведь смешно, чудно, стыдно – бабка и дед, познакомились в интернете, а теперь она приехала к нему за восемьсот километров. И что? Жениться? Или любовницей? Ужас... Какой -то черт ее вел, не иначе. Но – ведь она совершенно не пожалела, ни секундочки. Наоборот – ощущение молодого счастья и новой жизни просто пропитывало ее до самой последней клеточки.

– Так вы не тушуйтесь, вас как звать-то? Коль подружка, так и хорошо. Дядь Славе давно надо бы женщину найти – век один кукует.

Как эта толстушка прочитала ее мысли Аделаида не знала, но, чопорно приблизившись протянула ладошку лодочкой и сообщила

– Адель... Аделаида Михайловна. Из Москвы.

– Ой-ой. Из Москвы – во как! Далёко. А меня Оксаною кличут. А вообще – Ксюша я, так зови. Ничего что на ты? А я тебя тетя Ада звать буду – а то уж больно длинно. Я к вам вечер заскочу, пирожков занесу. Стряпаюсь седня, сынок приезжает с Балашова, погостить.

Пока Адель собиралась ответить, Оксана развернулась и, с неожиданной для такой комплекции скоростью, унеслась по узкой тропинке к своему дому – только засверкали босые пятки.

Когда Адель вынырнула из кустов сирени, вся промокшая от росы, то даже сначала не поняла, куда идти. Реки не было. Узкая улочка, сплошь заросшая ивами – была, лужайки муравы перемешанной с мелкими ромашками и клевером – были, стол под огромной черемухой, с которой свисали нереально длинные кисти с зелеными еще ягодами – тоже, даже кряканье уток – разноголосое, наперебой уже слышалось, несмотря на рань, а реки – не было! Адель растерянно подошла к черемухе, обошла столик, лавку и вдруг увидела ее. Внизу, под высоким обрывом, с которого вниз к воде стекала деревянная пологая лестница – вилась серо-синяя лента, теряясь в зарослях плакучих ив и ракии. Река была настолько хороша, что у Адель захолонуло сердце, да так, что стало трудновато вдохнуть и она, покопавшись в кармане кофты, вытащила валидол и воровато сунула его под язык. «Вот ведь, старуха, а туда же». Но мысль эта тут же растворилась и, спустившись по лесенке, Адель села прямо на мостки, спустила ноги в воду и, закрыв глаза, вдыхала в себя речной аромат, напитанный цветами и травами.

...Когда Адель зашла в дом, до измора устав от впечатлений, сил готовить вареники у нее уже не было. Однако, нарушать своих обещаний она не любила, поэтому, схватив корзинку, приготовленную с вечера, направилась было в палисадник за вишней. Но, в эту минуту, дверь в кухню распахнулась, ослепив светом и Вячеслав, появившись в солнечных лучах поманил ее рукой. Потом подошел, улыбнулся, дотронулся до локтя.

– Доброе утро, Ада. Я могу так вас называть. Очень красиво – да и напоминает юность – хоть и нечастое имя, а встречалось. Завтрак готов. Вы купались?

– Я гуляла, Слава. Я тоже так – попроще, вы не против?

– Нет, я счастлив. Пойдемте. Вы кофе пьете?

Адель кофе не просто пила, она его глушила. Вечно низкое давление просто требовало этих доз, а когда оно повышалось, кофе тоже почему-то его снижало, потому она была кофеманкой. Рьяной.

– Кофе я сварю. Только сам. У меня рецепт свой. А вареники, вам, ой – тебе, наверное, не понравятся. Но я старался. Зато помидоры у меня – лучше в селе нет.

Стол был накрыт скатертью, небольшая вазочка флоксов посередине, дымящаяся миска с огромными, пышными варениками, пропитанными алым соком и сметаной и здоровенная тарелка с нарезанными помидорами – малиновыми, зернистыми на срезе, сахарными. Тонко нарезанный серый хлеб, желтый, чуть оплывший кусок масла и белый кувшин с молоком – все было настолько аппетитно, даже нет – прекрасно, что Адель чуть не заплакала. Как тогда, тысячу лет тому назад, когда муж первый раз пригласил ее к себе и вынес косой, чуть подгоревший, но самостоятельно приготовленный пирог.

Глава 6. Гости

После завтрака Слава, пообещав «вернуться сей срок» и сто раз извинившись, укатил куда-то, подняв столб пыли на истомившейся от уже грянувшей жары, улице. Адель, перебив посуду, протерла полы на кухне, сварила бульон из шикарной курицы, которая лежала в холодильнике, расставив желтые лапы и ждала своего часа (правда она гнала от себя мысль, что курица явно вчера бегала по двору, озабоченно кудахтая), почистила картошку и сбегала в огород – проверила есть ли спелые помидоры. Огород опять потряс ее своим величием – в ослепляющем высоком солнце отливали золотом чугунные тыквы, виселись двухметровые подсолнухи с головами, размером с блюдо и, главное, помидоры – увесистые, мясистые даже на вид, розовые и алые, уже горячие и напитанные жаром летнего дня.

Вернувшись в прохладный дом, в котором Слава заботливо прикрыл ставни, она устало пробрела в свою комнату, сбросила чуть тесноватые тапки и прилегла прямо на покрывало. Хотела глянуть в вот сап, мало ли- Лялька написала, но прикрыла глаза и моментально провалилась в сон.

– Ада, Ада, где ты? Иди скорее, смотри, птенчик!

Голос мужа раздавался откуда-то издалека, то приближался, то удалялся, но Аде не хотелось открывать глаза. Она лежала прямо в мягкой мураве, раскинув руки и жмурилась, потому что солнышко ласкало ее горящие щеки, а довольно сильный, но теплый ветерок щекотал лоб и зажмуренные веки, играя волосками, выбившимися из прически. То, что они натворили сейчас – не лезло ни в какие ворота – хорошо никто не появился на этой отрезанной от мира лесной полянке, которая приютила их так доверчиво и которой они так бесстыдно воспользовались. Ада и хотела отказать – но руки мужа были такими ласковыми и настойчивыми, что просто – не смогла. И теперь вот – лежала с горячими щеками, а тело все так сладко отдыхало, что этот стыд казался смешным и ненужным.

Наконец, Ада лениво открыла глаза, привстала, оперившись на локти и с удовольствием смотрела, как стройный парень в шортах и светлой майке что-то несет ей в вытянутых руках.

«Какой же он красивый. Просто Ален Делон. А я – мыш, что он во мне нашел», – мелькнула остренькая неприятная мыслишка и тут же исчезла, потому что Вацлав (так любила называть ее мужа свекровь – болгарка) уже подошел и положил на траву крошечного птенчика.

– Глянь, Адиля. Выпал из гнезда. Хорошо я успел – там как раз кот в кустах ладился – еще минута, сожрал бы. Что делать будем – усыновим?

– Давай. У меня вон – коробочка от печенья есть. Я туда травки наберу – довозем.

Ада быстренько устроила птенцу домик, посадила его, Вацлав накопал червячков. Собираться надо было быстро, потому что где-то высоко и пока очень далеко уже был слышен рокот надвигающегося грома и запах скорого дождя стал острым, свежим и близким.

Уже потом, в электричке, когда огромные тяжелые капли барабанили по крыше и заливали стекло, Ада каждые пять минут совала в маленький клювик кусочек червяка, морщась от отвращения и птенец Ванька его глотал, раззевая призывно широкий красно-черный клюв.

Они выходили этого галчонка, призвав знакомого ветеринара и Ванька еще несколько лет требовательно долбил по дверце клетки, требуя свободы, а потом без сомнения рассаживался у Ады на плече и тюкал в ухо, если та вдруг забывала дать вкусный кусочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.